

ПЕРВЫЙ УТОПЛЕННИК

КОНСТАНТИН САНЖАРОВСКИЙ

Константин Санжаровский

Первый утопленник

«Автор»

2026

Санжаровский К. С.

Первый утопленник / К. С. Санжаровский — «Автор», 2026

В альтернативной предыстории «Аркейна» Вандер и Силко пытаются объединить семь районов Подгорода для общей забастовки. Накануне встречи один из лидеров получает письмо: «Среди семи есть человек, который уже продал Заун». Утром двое мертвы, а внизу листа стоит имя следующей цели — Вандер. Новые письма раскрывают настоящие тайны Бензо, Фелиции, Севики и остальных. Каждая улика ведёт то к клану Феррос, то к Ренате Гласк, а за тщательно рассчитанной цепью страха постепенно проступает рука Камиллы. Чтобы победить её, Силко должен понять, как работает ложь, составленная исключительно из правды. Но знание превращается в искушение. Когда Зауну понадобится один общий враг, ему придётся решить, что важнее: брат, невиновный человек или свобода целого города. «Первый утопленник» — мрачный психологический триллер о цене революции, рождении будущего Силко и ночи, после которой Вандер перестал быть его братом.

© Санжаровский К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПИСЬМО	6
ГЛАВА 1. СЕМЬ СТУЛЬЕВ	8
ГЛАВА 2. ИГЛА	11
ГЛАВА 3. ХРАМ ВЕТРА	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Санжаровский

Первый утопленник

**ФАНФИК ПО ВСЕЛЕННОЙ LEAGUE OF LEGENDS / ARCANЕ
ПЕРВЫЙ**

**УТОПЛЕННИК
КОНСТАНТИН САНЖАРОВСКИЙ**

«Заун начал тонуть задолго до того, как Вандер опустил Силко под воду»

Психологический триллер • Криминальная драма • 16+

Альтернативная версия событий (AU). Некоммерческое фанатское произведение. Персонажи и мир принадлежат Riot Games.

ПРОЛОГ. ПИСЬМО

В Подгороде не было настоящей ночи.

Свет здесь не исчезал. Он портился.

К вечеру жёлтые лампы над мостками начинали коптить, зелёные трубы проступали сквозь туман, а окна верхних ярусов превращались в мутные пятна, похожие на глаза утопленников. Внизу, под фабриками, вода принимала цвет того, что в неё сливали за день.

В ту ночь она была чёрной.

Старший насосной станции шёл вдоль канала, считая шаги. Он всегда считал их, когда боялся. От дверей шахтёрской столовой до первого железного мостика — восемьдесят три. От мостика до старой башни очистки — сто девять. От башни до дома — ещё четыреста, если не сворачивать к игровым столам.

Он не собирался сворачивать.

В нагрудном кармане лежал конверт.

Его передал мальчишка без куртки и без обуви. Сказал, что мужчина у лифта заплатил за доставку два медяка. Старший спросил, как выглядел мужчина. Мальчишка пожал плечами.

— Как человек сверху.

Этого описания в Зауне было достаточно.

Конверт оказался слишком чистым. Ни угольной пыли, ни масляного следа, ни влажных отпечатков. Бумага не размокала в ладони, хотя туман собирался на ресницах.

Старший открыл его только под башней, где шум насосов заглушал даже выстрел.

Внутри был один лист.

«Среди семи есть человек, который уже продал Заун.

Завтра в шесть утра он откроет восточный затвор. Вода войдёт в нижнюю шахту. Погибнут двадцать семь человек.

Если хочешь их спасти, останови Брайна до рассвета.

Не показывай это письмо никому. Второй, кто его прочтёт, назовёт тебя предателем».

Старший перечитал дважды.

Брайн отвечал за восточный затвор. Они вместе работали девятнадцать лет. Вместе вытаскивали людей после обвала. Вместе прятали часть добычи от сборщиков Пилтовера. Через три дня они должны были сидеть за одним столом с Вандером и Силко, когда представители семи районов решат, поддерживать ли общую забастовку.

Брайн не мог продать Заун.

Но в письме было сказано про нижнюю шахту.

О ней знали только трое.

Старший спрятал лист под рубаху и побежал к станции.

Восточный затвор находился в техническом тоннеле. Дверь была открыта. Внутри горела аварийная лампа, хотя смена закончилась два часа назад.

Брайн стоял у распределительного колеса.

— Ты чего здесь? — спросил старший.

Брайн обернулся. В руке у него был гаечный ключ.

— Давление скачет. Кто-то перекрыл второй сброс.

— Отойди от колеса.

— Что?

— Просто отойди.

Брайн посмотрел на него, потом на дверь за его спиной.

— Тебе опять письма от сборщиков пришли?

Старший замер.

— Какие письма?

— Про долг. Я видел конверт у тебя в кармане. Слушай, если они грозят семье, мы соберём деньги. Вандер поможет.

Он сделал шаг.

Старший поднял разводной ключ.

— Не подходи.

— Положи это.

— Ты откроешь затвор в шесть.

На лице Брайна сначала появилось непонимание. Потом страх. Именно страх убедил старшего сильнее любых слов.

— Кто тебе сказал?

— Значит, правда.

— Давление растёт! Если я не открою затвор, рванёт труба над шахтой!

Брайн бросился к колесу.

Старший ударил его один раз.

Не сильно. Он потом будет повторять себе это, хотя повторять оставалось недолго.

Брайн пошатнулся, зацепил локтем рычаг и упал на решётку. Разводной ключ выскользнул из руки старшего. Где-то под полом загрохотала вода.

— Закрой второй сброс! — прохрипел Брайн. — Там цепь...

Старший нагнулся к нему.

В этот момент аварийная лампа погасла.

В темноте щёлкнул механизм.

Восточный затвор поднялся сам.

Вода ворвалась в тоннель, ударила в ноги и сбила обоих. Старший успел схватиться за поручень. Брайн исчез сразу.

Поток поднимался.

Старший закричал, но насосы заглушили его голос. Он тянулся к двери, пока течение выворачивало руки. Конверт выплыл из-за пазухи и раскрылся на воде.

На обратной стороне листа проступили слова, которых раньше не было.

«Первая жертва всегда выбирает вторую сама».

Старший понял слишком поздно.

Письмо не предупреждало его.

Оно привело его сюда.

К рассвету вода ушла. В нижней шахте никто не погиб. Второй сброс открылся автоматически за минуту до аварии.

На решётке нашли два тела.

Между пальцами старшего был зажат размокший лист. Чернила на нём не растеклись.

Внизу стояло имя следующего человека.

Вандер.

ГЛАВА 1. СЕМЬ СТУЛЬЕВ

Вандер прочитал письмо один раз.

Силко — три.

Остальные ждали.

В подвале «Последней капли» было душно даже по меркам Подгорода. Семь стульев стояли вокруг стола, собранного из грузовых ящиков. Над ними висела лампа в проволочной клетке. Свет раскачивался каждый раз, когда наверху кто-то открывал дверь бара.

На столе лежал прозрачный пакет. Внутри — письмо, вынутое Грейсон из мокрой руки погибшего.

— Откуда оно у тебя? — спросил Бензо.

— Я попросил, — ответил Вандер.

— Энфорсеров?

— Грейсон.

— Это одно и то же.

— Нет. Пока ещё нет.

Бензо недовольно повёл плечом. Он сидел справа от Вандера, положив тяжёлые ладони на колени. Слева стояла Фелиция, опираясь на спинку пустого стула Силко. Она не представляла отдельный район и формально не должна была присутствовать, но именно через неё половина подполья передавала лекарства, записки и оружие. Если семь лидеров были голосом будущего восстания, Фелиция была его кровью.

Напротив сидела Рената Гласк. Белая перчатка на её правой руке оставалась без единого пятна, хотя дорога к бару проходила через три фабричных яруса. Рядом с ней молчала Севика — молодая, широкоплечая, с прямым взглядом человека, который заранее не согласен.

Оставшиеся места занимали Марго, представлявшая торговые галереи, и Смич, сидевший на двух подушках и всё равно едва достававший подбородком до столешницы.

Седьмой стул оставался пустым.

Силко стоял.

— Погибшие должны были прийти сюда через три дня, — сказал Вандер. — Они держали насосные бригады. Без них нижние шахты не поддержат забастовку.

— Значит, кто-то убрал два голоса против себя, — произнесла Марго.

— Или два голоса за, — заметил Силко.

— Какая разница? — Смич постучал когтем по ящику. — Два мертвеца. Нас осталось семеро. И бумажка говорит, что следующий — он.

Все посмотрели на Вандера.

Он не отвёл глаз.

— В письме не сказано, что я умру.

— В первом тоже не было сказано, что кто-то умрёт, — ответила Рената. — Там предлагалось «остановить» человека. Очень аккуратное слово. Убийство совершил читатель, не автор.

— Ты уже решила, что автор один? — спросил Силко.

Рената улыбнулась.

— Я решила только то, что он образован. Ровный почерк, хорошая бумага, никаких лишних угроз. Бедные люди пишут гневнее.

— Богатые нанимают тех, кто пишет за них, — сказала Фелиция.

Силко снова достал лист из пакета. Он не касался бумаги пальцами. Держал за края двумя тонкими щипцами, взятыми у Бензо.

Вандер наблюдал за ним. За последние месяцы Силко стал худее. Не слабее — именно худее, словно всё ненужное в нём сгорало, оставляя только кости, нервы и убеждение. Он спал мало, ел, когда напоминали, и говорил о независимости Зауна так, будто видел её впереди, за стеной, которую остальные считали краем мира.

— Адрес написан старым названием станции, — сказал Силко. — «Восточный водосброс номер четыре».

— И что? — спросила Севика.

— Никто здесь не называет его так лет пятнадцать. Для нас это Чёрное Горло. Старое название осталось только в пилтоверских картах и долговых реестрах.

— Значит, письмо сверху, — сказал Бензо.

— Значит, автор пользовался документами сверху. Это не одно и то же.

Вандер постучал пальцем по имени внизу листа.

— Почему я?

— Потому что все смотрят на тебя, — сказала Фелиция. — Даже когда говорят, что не смотрят.

Смич фыркнул.

— Я не смотрю.

— Ты пришёл в его бар ночью, — ответила она. — И сел на его стул.

Смич перестал улыбаться.

Вандер медленно оглядел стол.

— Никто не действует один. Никто не прячет письма. Если кому-то приходит новое — приносите сюда.

— А если в нём будет сказано, что второй читатель назовёт меня предателем? — спросила Марго.

— Тогда покажешь третьему, — сказал Бензо.

Силко положил письмо обратно.

— Так не сработает.

— Что именно?

— Приказ. Ты просишь напуганного человека поступить разумно. Автор первого письма уже доказал, что страх быстрее доверия.

— Тогда что предлагаешь?

— Узнать, чего он хочет.

— Он хочет, чтобы мы убивали друг друга, — сказала Севика.

— Это метод. Не цель.

Рената скрестила руки.

— И как ты собираешься спросить его о цели?

— Не собираюсь. Я дам ему ответ.

Вандер узнал этот тон. Силко говорил так перед дракой, в которой ещё не нанёс первый удар, но уже решил, сколько ударов понадобится.

— Какой?

Силко посмотрел на пустой конверт.

— Что мы поверили.

Он подошёл к печи, взял лист дешёвой бумаги и написал четыре слова.

«Письмо прочитали все семеро».

Потом вложил записку в тот же конверт.

— Фелиция, ты сможешь вернуть его туда, где его забрала Грейсон?

Она кивнула не сразу.

— Смогу.

— Зачем? — спросил Вандер.

— Если автор следит за расследованием, он узнает, что правило нарушено. Ему придётся изменить следующий ход.

— А если не следит?

— Тогда письмо бесполезно.

— А если следит и решит ускориться?

Силко поднял глаза.

— Тогда он ошибётся.

Вандер не любил планы, в которых ошибка врага была единственным спасением. Но остальные уже смотрели на Силко, и в их взглядах появился тот опасный вид надежды, который нельзя отнять без замены.

— Никто не расходится один, — сказал Вандер. — Севика идёт с Ренатой. Бензо — с Фелицией. Марго и Смич останутся наверху до утра.

— А ты? — спросила Фелиция.

— Я пойду туда, где, по мнению автора, должен умереть.

Силко едва заметно улыбнулся.

— Значит, со мной.

Когда все поднялись, лампа качнулась сильнее. С потолка посыпалась пыль.

Кто-то наверху открыл дверь бара.

Послышались тяжёлые шаги.

Бензо первым достал нож. Севика встала между Ренатой и лестницей. Вандер погасил лампу.

В подвал вошёл мальчик.

Совсем маленький, чумазый, в слишком большой куртке. Он прижимал к груди деревянную игрушку, похожую на часы.

— Бензо, — прошептал он. — Там человек оставил это.

Он протянул конверт.

На лицевой стороне было написано:

«Тому, кто прочитал письмо трижды».

Силко не шелохнулся.

Вандер посмотрел на него.

— Ты сказал, ему придётся изменить ход.

— Да.

— Он изменил.

Силко взял конверт.

Внутри лежала пустая карточка.

И тонкая стальная игла.

ГЛАВА 2. ИГЛА

Игла была длиннее пальца и тоньше волоса у кончика.

Синджед держал её над пламенем, наблюдая, как металл меняет цвет.

— Не яд, — сказал он.

— Ты уверен? — спросил Вандер.

— Нет.

— Тогда почему говоришь?

— Потому что яд был бы скучным.

Лаборатория находилась под заброшенной лечебницей, в помещении, которое когда-то использовали для хранения тел. В стенах остались прямоугольные ниши. Теперь в них стояли колбы, банки и клетки. В одной медленно дышало животное, накрытое тканью. В другой лежали детали механического протеза.

У дальней стены тихо работал аппарат с мехами. Рядом, за стеклянной перегородкой, спала девочка. К её лицу подходила трубка.

Вандер старался туда не смотреть.

Силко смотрел.

— Орианна? — спросил он.

Синджед не ответил. Он положил иглу в раствор. Жидкость стала серебристой.

— Полая, — произнёс он. — Внутри следы красителя и растительного масла. Ею прокаливали бумагу.

— Зачем? — спросил Вандер.

— Чтобы сделать отметки, которые не видны при обычном свете.

Синджед закрыл ставни и зажёл лампу с синей солью. На пустой карточке проступили точки.

Силко наклонился ближе.

Точки складывались в схему. Семь кругов, соединённых линиями. Один круг был перечёркнут. От него линия шла к следующему.

— Это мы, — сказал Вандер.

— Нет, — ответил Силко. — Это не люди.

Он повернул карточку.

— Это места.

Синджед усилил пламя. В углу бумаги проявился крошечный знак: две вытянутые скобки, обращённые друг к другу.

— Клеймо изготовителя? — спросил Вандер.

— Водяной знак, — сказал Силко. — Феррос.

Синджед посмотрел на него с интересом.

— Ты быстро решил.

— Клан Феррос предоставляет бумагу архивам Совета.

— И ещё двадцати конторам, — заметил Синджед. — Включая таможенную, Академию и службу водных путей. Улика, указывающая на стольких, не указывает ни на кого.

— Но её оставили для нас.

— Или вы нашли то, что искали.

Вандер подошёл к стеклу. Девочка за перегородкой пошевелилась. Мехи аппарата вздохнули за неё.

— Ты можешь определить чернила с первого письма?

— Уже.

Синджед снял с полки две пробирки.

— Основа пилтоверская. Железо, дубильная кислота, связующая соль. Но добавлен препарат Гласк. Он не даёт чернилам растекаться в воде.

Вандер обернулся.

— Рената.

— Или тот, кто купил её товар.

— Такой препарат продаётся свободно?

— Нет, — сказал Синджед. — Он ещё не продаётся.

В комнате стало слышно, как по трубке идёт воздух.

Силко взял пробирку.

— Откуда он у тебя?

— Я помогал её родителям с ранними формулами.

— Родители Ренаты мертвы.

— Формулы переживают людей чаще, чем дети.

Вандер поставил ладони на стол.

— Кто ещё знает состав?

— Я. Рената. Несколько её химиков. Те, кто убил её семью и забрал часть записей.

— Феррос?

Синджед улыбнулся одними губами.

— Ты хочешь, чтобы я подтвердил удобную версию.

— Я хочу имя.

— Имена — плохая привычка. Они заставляют думать, будто вещь понята.

Он вынул карточку из синего света. Схема исчезла.

— Вы пришли ко мне не за знанием. Вы пришли за уверенностью. Это разные товары. Второго у меня нет.

Силко продолжал рассматривать пробирку.

— А у кого есть?

— У того, кто написал письмо.

Вандер выдохнул и направился к двери.

— Мы зря потеряли время.

— Нет, — сказал Силко.

Он положил пустую карточку поверх первого письма.

— Автор хотел, чтобы мы нашли Феррос и Гласк одновременно. Две улики, ведущие к двум врагам.

— Почему это важно?

— Потому что Феррос — Пилтовер. Гласк — Заун. Он не даёт нам ответ. Он даёт выбор, кого обвинить.

Синджед впервые посмотрел на него без насмешки.

— Продолжай.

— Семь кругов — не люди. Это семь мест, где может начаться забастовка: насосные станции, шахты, грузовые лифты, литейные, очистные башни, рынок и мосты. Первый круг — насосы. Он перечёркнут. Следующая линия ведёт к шахтам.

Вандер вернулся к столу.

— Шахтёры соберутся завтра в старом храме Жанны.

— Об этом знают сотни.

— Но только мы знаем, что туда придёт представитель Совета, — сказала Фелиция от двери.

Никто не услышал, как она вошла.

На руках у неё были следы типографской краски. Под плащом она держала свёрток.

— Я вернула конверт Грейсон. Записку никто не заметил. Но в комнате с уликами уже кто-то был.

— Кто? — спросил Вандер.

— Не знаю. Замок цел. Окно закрыто. На полу ничего, кроме этого.

Она развернула ткань.

Внутри лежал тонкий металлический трос с крюком.

Синджед коснулся его иглой.

— Хорошая сталь.

— Феррос? — спросил Вандер.

— На этот раз без водяного знака.

Силко изучил крюк.

На одном зубце была свежая каменная пыль.

— Не из окна, — сказал он. — Через вентиляцию.

Фелиция кивнула.

— Шахтёрский храм соединён со старой системой воздухопроводов.

Вандер уже шёл к двери.

— Сколько до собрания?

— Два часа.

— Успеем.

— Именно этого от нас и ждут, — произнёс Силко.

Вандер остановился.

— Есть предложение лучше?

— Есть вопрос. Почему человек, способный войти в комнату Грейсон незамеченным, оставил трос?

— Ошибся.

— Нет.

— Ты сам рассчитывал на ошибку.

— Поэтому знаю, когда вижу подарок.

Фелиция посмотрела на схему.

— Если мы не пойдём, погибнут шахтёры.

— Если пойдём, сделаем то, что написано на карточке.

Вандер открыл дверь.

— Тогда сделаем это по-своему.

Силко не двинулся.

— По-своему — не значит свободно, брат.

— А остаться здесь — не значит быть умнее.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

Потом Силко спрятал карточку во внутренний карман.

— Хорошо. Но в храм войдёшь ты. Я пойду туда, откуда за ним наблюдают.

— Один?

— Автор письма знает, что мы держимся вместе.

— И?

— Пора сообщить ему первую неправду.

ГЛАВА 3. ХРАМ ВЕТРА

От храма Жанны осталась половина.

Верхнюю часть много лет назад срезали, когда прокладывали грузовой мост. Каменную башню опоясывали трубы, а вместо колокола под сводом висел вентиляционный ротор. Его лопасти не двигались: воздух в этом районе покупали фабрики.

Но люди всё равно приходили.

Они оставляли у разрушенной статуи самодельные птицы, полоски ткани и пустые стеклянные флаконы. Просили ветра так, как просят воды в запертой комнате.

Вандер вошёл через главный проход.

Шахтёры заполнили зал. Несколько сотен человек в серых куртках стояли плечом к плечу. На возвышении спорили мастера смен. Представитель Совета ещё не появился.

Бензо шёл рядом, держа руку под курткой.

— Если начнётся давка, — сказал он, — к выходу не пробьёмся.

— Поэтому давки не будет.

— Рад, что ты договорился с толпой.

Фелиция осталась снаружи, проверять воздуховоды. Севика повела людей на боковые галереи. Грейсон обещала задержать энфорсеров наверху, хотя Вандер не спрашивал, какой ценой.

Силко исчез ещё у развилки.

Вандер поднялся на каменный блок.

— Слушайте!

Шум не стих.

Тогда он взял железный прут и ударил по старой чаше для подношений. Звук прокатился под сводом.

— Сегодня кто-то попытается заставить вас бежать, — сказал Вандер. — Не бегите.

Из толпы крикнули:

— А если обвал?

— Смотрите на меня.

— А если газ?

— Смотрите на меня.

— Ты теперь ветер, что ли?

Кто-то засмеялся. Напряжение на секунду ослабло.

— Нет, — ответил Вандер. — Но я громче.

В этот момент двери храма захлопнулись.

Ротор под сводом дёрнулся.

Из вентиляционных щелей пошёл белый дым.

Толпа качнулась.

— Стоять! — рявкнул Вандер.

Первые ряды остановились. Задние продолжали давить.

Бензо полез к двери. Севика сверху закричала, что боковой выход перекрыт цепью.

Белый дым спускался быстро. Люди начали кашлять.

— Ткань на лицо! — крикнул Вандер. — Не толкаться!

Кто-то возле стены заорал:

— Нас запер Пилтовер!

Другой голос ответил:

— Это Гласк! Её фильтры на вентиляции!

Имя сработало хуже огня. Несколько шахтёров рванули к служебному проходу, сметая тех, кто стоял впереди.

Вандер спрыгнул и встал в проходе.

— Назад!

Первый мужчина ударил его плечом. Вандер удержался. Второго он поймал за куртку и поставил на ноги. Третьему просто показал кулак.

— Назад, я сказал!

Над толпой лопнула стеклянная колба.

Дым стал едким.

Вандер почувствовал запах мяты.

Не шахтёрский газ.

Раздражитель.

Кто-то хотел не убить их, а напугать.

Снаружи раздался металлический удар. Потом ещё один. Двери дрогнули.

— Бензо!

— Не я!

Третий удар вырвал петлю из камня. В зал ворвался воздух.

Дым разошёлся странно быстро, словно по храму прошёл порыв ветра. Полоски ткани на статуе Жанны поднялись и вытянулись к выходу.

Люди замолчали.

На пороге стояла Фелиция с кувалдой.

— Потом помолитесь, — сказала она. — Сейчас выходите по десять.

Вандер поднял глаза к ротору.

Тот медленно вращался, хотя питание было отключено.

Бензо тоже посмотрел вверх.

— Скажешь, совпадение?

— Скажу, что у старых шахт много сквозняков.

— Конечно.

Они вывели людей без давки. Трое потеряли сознание, несколько получили ушибы. Никто не погиб.

Только когда храм опустел, Вандер заметил человека у разрушенной статуи.

Пилтоверский костюм был слишком дорогим для этого места. Мужчина сидел, привалившись к камню. На груди у него висел знак канцелярии Совета.

Представитель, которого они ждали.

Он был мёртв.

В руке зажато письмо.

«Вандер закроет двери храма и отравит тех, кто откажется от войны».

Внизу стояла подпись:

«Силко».

Силко наблюдал за храмом из вентиляционной башни на другой стороне канала.

Отсюда он видел крышу, боковые галереи и три трубы. Видел, как дым пошёл вниз, а не вверх. Видел, как Фелиция выбила дверь. Видел, как люди вышли живыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.